

Этот обряд поклона изначально полагалось совершать младшим старшим, между равными такого обычая не было. Но в нынешней ситуации Сун Хайлинь смог примерно восстановить картину по бесчисленным болтовням родственников за прошлые годы.

Его дедушка был старшим в семье, прадедушка и прабабушка умерли рано, в то время младший дедушка был ещё маленьким, и его полностью вырастила бабушка, она же помогла ему обустроить дом, даже жену ему бабушка помогла привести. Фраза «старшая невестка как мать» действительно полностью ему соответствовала.

Но позже в семье из-за этого родового дома возникли разногласия, младший дедушка несколько лет не общался с их семьёй, а в этом году, неизвестно, как одумался, внезапно пришёл кланяться, совершая обряд, полагающийся «как матери».

Как раз и нужно было поплакать.

Сун Хайлинь почувствовал, что ему больше не стоит оставаться, и тихо вышел за дверь.

Он немного покружил под финиковым деревом во дворе, составил сообщение о только что произошедшем и отправил отцу.

Прочитав написанное сообщение, он цыкнул. Если говорить серьёзно, у него действительно был талант в области криминалистики, полностью унаследованный от отца, даже по этим обрывочным разговорам за многие годы он смог восстановить такую чёткую логическую цепочку. Жаль, что интереса не было.

Нажав «отправить», он встал на цыпочки и заглянул в дом: двое переместились с пола на маленькие табуреточки у журнального столика и сейчас увлечённо вспоминали тяжёлые годы великого голода шестидесятого года.

Отец ещё не ответил на сообщение. Возможно, как раз был в пути, не смотрел в телефон.

В этой семье больше всех неприязни к этому младшему дедушке питал как раз его отец. В большой праздник, подрасться — некрасиво, к тому же человек пришёл кланяться искренне, если ещё и подрасться — будет совсем нехорошо.

Родственные дела трудно распутать, особенно когда наступает Новый год, становится ещё сложнее.

Сун Хайлинь подумал и вздохнул, всё же решил пойти на перекрёсток перехватить отца. Даже если этой потасовки не избежать, но с психологической подготовкой всё же можно будет как-то смягчить удар.

Всё-таки большой праздник.

Только вышел за ворота, как услышал на улице ругательные возгласы.

Посмотрев в ту сторону, он увидел человека в очках, который стоял у ворот Су Шэня, указывая пальцем внутрь и что-то бормоча и ругаясь, Су Шэнь сидел напротив него, скрестив руки, и не произносил ни слова.

Человек выглядел весьма интеллигентно, но говорил едко и язвительно. Слушать было неприятно.

Кончиком пальца он чуть ли не тыкал в нос Су Шэню:

— Ты, псих, все вы психи, почему ты не умер вместе с ними? Двое психов, а ты так рьяно их защищаешь, с детства ты только и знал, что защищать психов! Рано или поздно сам сойдёшь с ума!

Он тыкал пальцем то в Су Шэня, то в сторону, повторяя это несколько раз.

Сун Хайлинь не знал, стоит ли подходить, хотел подойти, но чувствовал, что вчерашнее было слишком неловко, стеснялся, мог лишь сделать шаг поближе и тогда разглядел, что бабушка Су тоже стоит у входа, как раз её закрывала выступающая стена.

Сейчас на улице было много народу, все как раз возвращались после поклонов, тот человек ругался негромко, выглядело не слишком зрелищно.

Су Шэнь отодвинулся назад, прикрывая бабушку, завёл её обратно за порог и тихо сказал:

— Дядя, в большой праздник, если ты пришёл с искренним желанием поклониться бабушке, мы тебя примем. Всё остальное — забудь.

Тот дядя сделал шаг вперёд:

— Тебе тут нечего говорить! Даже если старуха протянет ноги, этот дом тебе не достанется!

Взгляд Су Шэня стал острым, он резко придвинул инвалидное кресло вперёд, вынудив того дядю отступить на несколько шагов назад, тот чуть не упал с наклонной дорожки у входа.

— Смеешь повторить, — Су Шэнь понизил голос, — повтори ещё раз, и я покажу тебе, что такое настоящий псих.

— Ты! — тот дядя инстинктивно вжал голову в плечи.

Затем, видя, что на улице становится всё больше прохожих, видимо, обрёл смелость, поправил очки и продолжил:

— Псих! Хромой! Калека! Ты, инвалид, ещё хочешь удержать этот дом!

Не успел он договорить, как Сун Хайлинь стремительно бросился вперёд, схватил его за отворот и злобно сказал:

— Повтори.

Этот человек был силён, каждое слово било в самые больные места Сун Хайлиня, ему уже было не до мыслей о неловкости или не неловкости, он только думал, как бы заставить этого человека заткнуться.

Черты лица Сун Хайлиня и сами по себе были суровыми, сейчас же, в плохом настроении, он выглядел особенно свирепо, тот дядя, ругаясь «отпусти», дрожал.

— А что такого, если повторю! Разве калеку нельзя называть калекой? Не назовёшь — всё равно калека!

Тот дядя, вытянув шею, не сдаваясь, ругался.

В этом упрямстве ещё проглядывался стиль семьи Су. Этот человек правда носил фамилию Су? Один набор генов, как мог мутировать в такую штуку? Совсем перекосило, прямо к подножию Пизанской башни. Гены и правда удивительны.

На улице было довольно холодно, Су Шэнь всё это время сидел в доме у печки, не ожидал, что дядя внезапно устроит такой спектакль, вышел, надев только тёмно-синий свитер. На передней части был изображён медвежонок анфас, с носом и глазами, на задней части — тот же медвежонок со спины, с маленьким хвостиком. Этот свитер много лет назад связала бабушка, красивый, очень красивый, но продуваемый, не тёплый.

Сун Хайлинь как раз замахнулся на дядю, Су Шэнь неожиданно чихнул.

Этот чих был довольно громким, словно в напряжённой атмосфере кто-то внезапно щипнул тетиву натянутого лука, издав музыкальный звук, на мгновение даже зрители, наблюдавшие за зрелищем, повернулись к нему, и кулак Сун Хайлиня, уже занесённый, замер в воздухе.

— Но... — он как раз собирался что-то сказать, затем не сдержался, вдохнул и снова чихнул.

Он пощипал покрасневший от холода нос, протянул руку и потянул вниз кулак Сун Хайлиня, сказав:

— Всё-таки большой праздник...

Произнеся эту фразу, Сун Хайлинь нахмурился. Больше всего он боялся этой фразы, «всё-таки большой праздник», она была как принудительное успокоительное.

В тот же момент Су Шэнь тоже нахмурился.

Затем снова громко чихнул.

Он потер кончик носа, на лице появилось выражение обиды, в голосе послышалась сильная гнусавость:

— Всё-таки большой праздник... убьём и всё.

Услышав это, Сун Хайлинь рассмеялся.

— Серьёзно убьём? — Он прищурился и улыбнулся. Су Шэнь всё тот же Су Шэнь. — Тогда в большой праздник мы будем в тюрьме кормить друг друга, ты мне — я тебе.

— Зачем мне в тюрьму? Человека убил ты, я в лучшем случае свидетель. — Су Шэнь похлопал его по запястью. — Не волнуйся, я обязательно буду часто навещать тебя, приносить еду.

Запястье Сун Хайлиня было открыто, прикосновение холодной руки Су Шэня словно обожгло, он на мгновение отвлёкся, забыв, что в другой руке ещё держит отворот того дяди.

Вокруг уже собралось несколько соседей, которые начали разнимать.

— Ладно, прекратите, при всех — неудобно. — тихо сказал Су Шэнь.

Он говорил это Сун Хайлиню, но тот дядя снова собрался открыть рот. Су Шэнь усмехнулся ему, холодно сказав:

— Мне не стыдно, в конце концов, столько лет соседи, в этом деле все ясно как на ладони. А тебе?

Хвостик этого «тебе» слегка взлетел вверх, тот дядя моментально закрыл рот.

Он понимал, что имел в виду Су Шэнь. Су Шэнь и бабушка, старые да малые, не боялись говорить, а он ещё работал учителем в уездном городе, все эти годы репутация в деревне была не очень, если ещё раздуть скандал, и он дойдёт до города, его работа повиснет на волоске.

Сун Хайлинь оттолкнул рукой, тот дядя отступил на шаг, не удержал равновесие и плюхнулся на землю.

Он встал, похоже, собирался что-то сказать, Сун Хайлинь нахмурился, сделал шаг в его сторону, тот испугался, быстро вскочил и залез в стоящую рядом машину.

Су Шэнь повернулся и что-то сказал бабушке Су, та только тогда очнувшись кивнула и вошла в дом.

Окружающие, увидев, что дело кончено, тоже разошлись. Смотреть было не на что, и спрашивать было не о чем, это дело в семье Су каждый год разыгрывалось. Просто впервые это произошло в новогодние праздники.

После того как бабушка Су вошла в дом, Су Шэнь поднял голову и улыбнулся Сун Хайлиню:

— Спасибо за сегодня, без тебя я правда не знал бы, что делать.

Сун Хайлинь от всей души считал, что Су Шэнь сейчас несёт чепуху. По его спокойному виду было видно, что он явно не в первый раз разбирается с этим делом, вполне возможно, каждый год происходит такая потасовка. Он невольно выпалил:

— Когда ты стал таким скромным, разве ты не самый крутой на свете?

Произнеся эту фразу, он сразу же пожалел.

Сейчас было совсем не время для шуток!

<http://bllate.org/book/15285/1350535>